

ПСИХОЛОГИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

(вступительная статья)

Изд-во «Речь», Санкт-Петербург, 2007 г.

Я. Л. Коломинский,
доктор психологических
наук, профессор

«Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил».

Антуан де Сент-Экзюпери

«Они» и «мы» (вместо предисловия)

Название книги, которую вы открыли, возможно, показалось вам чем-то знакомым. Действительно, оно перекликается с названием моей давней, несколько раз переиздававшейся и переведенной почти на десяток иностранных языков книги «Человек среди людей». Совпадение, конечно, не случайное: здесь тоже речь идет о Человеке в особой весьма значимой социальной роли, ну, а «люди» тоже особенные — дети. А ведь, по словам того же любимого мною, а может быть и вами, дорогой читатель, Антуана де Сент Экзюпери: все взрослые когда-то были детьми, но не все об этом помнят. Увы, нередко не только родители, но и педагоги забывают о том, что были детьми. Вернее, им кажется, что уж кто-кто, а они-то — дипломированные «специалисты по детству» — знают о своих питомцах все или почти все. Так ли это? А если нет — каковы последствия? Впрочем, авторы этой книги убеждены в том, что не только знания и педагогические умения определяют то, что происходит между двумя людьми — педагогом и ребенком (напоминаю, что, согласно Декларации прав ребенка, ребенок — это человек до 18 лет!). Что же все-таки самое главное? Самое главное — это любовь. Здесь нашу позицию прекрасно подтверждают слова Льва Николаевича Толстого: «Если учитель имеет только любовь к делу, он будет хороший учитель. Если учитель имеет только любовь к ученику, как отец и мать, — он будет лучше того учителя, который прочел все книги, но не имеет любви ни к делу, ни к ученикам. Если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам, он — совершенный учитель».

Когда-то замечательный педагог и гуманист Януш Корчак назвал свою книгу кратко и убедительно — «Как любить детей». (Кстати, ему же принадлежит и такое важное для нас утверждение: «Детей нет, есть люди»). Нам, авторам, очень хотелось бы, чтобы и наша работа помогла ответить на этот главный вопрос воспитания, ответить на языке современной социальной педагогичес-

кой психологии. В этой книге, дорогой читатель, это убеждение авторов порой изложено строгим, может быть, суховатым языком научных исследований. Не должны отпугивать и цифры, которые призваны убедить тех, кто считает, что в науке столько истины, сколько в ней математики. Мы, скажу по секрету, придерживаемся другого мнения. Мы думаем, что в науках о человеческих отношениях столько правды, сколько в них поэзии.

Когда я читаю работы, в которых те или иные положения доказываются с помощью математических подсчетов (без них порой не обойтись!), мне на память приходит одно чудесное место из «Золушки» Евгения Шварца. Мачеха со своими дочерьми обсуждает результаты посещения королевского бала:

«Анна. Запиши, мамочка: «Принц взглянул в мою сторону три раза (везде подчеркнуто мною. — Я. К.), улыбнулся один раз, вздохнул один, итого пять».

Марианна. А мне король сказал: «Очень рад вас видеть» — один раз и «Проходите, проходите, здесь дует» — один раз. Итого — три раза.

Лесничий. Зачем вам нужны все эти записи?

Мачеха. Ах, муженек дорогой, не мешай нам веселиться!

Марианна. Такой бал! Девять знаков внимания со стороны высочайших особ.

Мы думаем, что эти подсчеты нужны были нашим героям не только и не столько для того, чтобы веселиться, сколько для того, чтобы как-то измерить (объективировать, говоря более научно) то, что мы сегодня называем межличностным взаимодействием — общение и отношение человека к человеку. В этой книге под отношением понимается внутреннее состояние личности, вызванное другим человеком, а под общением — те акты поведения («взглянул», «улыбнул-

ся», «сказал»), в которых это внутреннее состояние себя обнаруживает. Впрочем, об этом еще будет специальный разговор.

Наверное, стремление к таким числовым доказательствам даже в области духовной заложено в глубинах нашей психологической культуры. Недаром греческий философ Пифагор (тот самый, который придумал теорему, в которой Пифагоровы штаны...) создал специальную науку нумерологию, в основе которой лежит убеждение о том, что числа и количественные отношения являются сущностью вещей, «первоосновой мира».

Поэзия и числовые мироощущения, на самом деле, скорее всего не противоречат друг другу. Недаром математики говорят о красоте математических формул и восхищаются красотой тех или иных доказательств. «В научном мышлении, — говорил Альберт Эйнштейн, — всегда присутствует элемент поэзии. Настоящая наука и настоящая му-

зыка требуют однородного мыслительного процесса». А поэзия и устное народное творчество пронизаны стремлением... посчитать! Помните, у Шекспира Гамлет для доказательства любви к Офелии восклицает: «Я так любил ее, как десять тысяч (подчеркнуто мною. — Я. К.) братьев любить не могут...».

Широко представлена психологическая нумерология (такой науки пока не существует, но ее следовало бы создать!) в детской субкультуре. Одни считалки чего стоят! Мне вспоминается такой факт из моего детства. Учился я в городе Ашхабаде (годы эвакуации) в мужской школе. Девочки были для нас, четвероклассников, существами непонятными и экзотическими, а потому необыкновенно притягательными. В летнем городском лагере, когда мы, наконец, оказывались рядом, происходили пылкие платонические влюбленности. Чаще всего в одну и ту же обладательницу косичек и роскошных бантов.

Дискуссии о том, кого предпочитает объект наших мечтаний, выглядели примерно так: «Конечно, она в меня втрескалась» (других глаголов мы не признавали!) «Это еще почему?» «А она во время полдника на меня два раза посмотрела!» «Подумаешь, а на меня посмотрела и улыбнулась!»...

Так мы, надеюсь, плавно перешли к миру детства. Авторы в своих исследованиях исходят из концепции детства как самостоятельного, а не просто подготовительного этапа жизненного пути. Сплошь и рядом звучит, а порой молчаливо подразумевается эта подготовительная позиция: дошкольное детство — для подготовки к школе, младший школьник готовится стать подростком, подросток юношей, юноша готовится к профессиональному выбору, затем — взрослая жизнь — подготовка к выходу на пенсию, так сказать, на «заслуженный отдых», здесь он готовится ... ну, понятно к чему... Вся жизнь всего лишь подготовка? К чему?

Важно напомнить, что само представление о детстве как самостоятельной эпохе человеческой жизни не вечная категория. Оно возникло на определенной ступени истории и является эпохальным культурно-психологическим достижением человечества. В моих давних книгах «Беседы о тайнах психики» и «Человек: психология» обсуждалась проблема истории возникновения науки о детстве. Для того чтобы возникла специальная наука об особенностях психики подрастающего человека — детская психология, необходимо было открыть одну простую истину: ребенок — это не маленький взрослый, не его уменьшенная копия: необходимо было изменить взгляд на детство (подчеркнуто сегодня. — Я. К.). Это изменение можно проследить не только в науке, но и в искусстве. В книге «Человек: психология» я так описывал этот процесс: «Рассматривая картины старых и даже не очень старых мастеров, на которых изображены дети, можно прийти к выводу, что рисовали их в то время очень своеобразно, а, попросту говоря, не очень умело. Нет, с технической и, так сказать, с физиологической стороны все эти младенцы, принцы, инфанты, княжны и т.д. выписаны безукоризненно: переданы нежные оттенки цвета и тона детской кожи, прекрасно

воссозданы все окружности, как живые выются мягкие кудряшки... Но с психологической стороны все это на редкость неинтересно: дети либо выглядят как уменьшенные копии взрослых, либо лишены личного своеобразия.

Впрочем, в средневековой, например, живописи, как отмечают специалисты, и взрослые изображались своеобразно. Не было портрета. Художники, конечно, подмечали индивидуальные черты человеческих лиц и были способны их передать. Дело здесь не в умении, а в задачах, которые ставились, в особенностях подхода к личности у художников того времени».

Сегодня я бы объяснил эти «особенности подхода» психологической культурой, психологическим мировосприятием художников того времени. В этом же ключе можно рассмотреть и особенности изображения детства писателями. Почти все интересные книги о детстве были созданы не раньше XIX века! А во второй половине XIX века появились и первые научные исследования по детской психологии. Кстати, и детей в это время научились изображать.

Случайное совпадение? Едва ли. А что если это отражение общего явления: люди изменили точку зрения на детство. На детей перестали смотреть как на маленьких взрослых, перестали, сравнивая себя с детьми, рассуждать по принципу «больше-меньше», «лучше-хуже»... Постепенно стало ясно: у детей качественно своеобразный внутренний мир и «счастливая, невозвратимая пора детства» — это пора, наполненная такими могучими впечатлениями, такими стремлениями, что потом человек всю жизнь испытывает на себе их влияние... Перед взрослыми как бы заново открылась неведомая прежде страна — Детство!

Культурно-психологические установки, которые определили манеру изображения детей средневековыми художниками, когда не существовало представления о детстве как особом состоянии человека и детей воспринимали как маленьких взрослых, обуславливают и, так сказать, процесс декодирования: восприятие сегодняшними зрителями детских образов на картинах старых мастеров.

Во время одного из посещений Дрезденской галереи я был свидетелем, вер-

нее, даже пассивным участником характерной, как потом выяснилось, сцены. Экскурсовод подвела группу экскурсантов к картине Ван-Дейка, на которой была изображена королевская семья.

— Как вы думаете, — обратилась она к публике, — сколько лет вот этой девочке-инфанте?

— Двадцать, четырнадцать! — меньше не давал никто.

— Вы ошиблись, — удовлетворенно заметила экскурсовод, — ей всего-навсего шесть лет!

Я в дискуссии не участвовал, потому что знал, в чем здесь дело...

Представители интересного направления в исторической науке — исторической психологии, которые вдохновлены культурно-исторической теорией Л. С. Выготского, анализируя особенности «картины мира» людей различных эпох, совершенно справедливо считают, что необходимо принять во внимание историчность самих механизмов психической жизни, важнейших психических процессов: восприятия и воображения, мышления и речи, памяти и самосознания, законов познавательной деятельности и эмоциональной жизни.

Автор книги «Историк и социология» Б. Н. Миронов считает, что недоучет исторического характера психологии человека не может не приводить к навязыванию людям прошлого мотивов, оснований и резонов поведения, которые свойственны современному человеку.

С нашей точки зрения, речь идет об историчности психологической культуры личности, которая опосредует взгляд человека на себя и на других. Отсюда и характерное для многих обществ и, как об этом мы уже говорили, игнорирование детства как особого качественного состояния, которое выразилось в изображении детей как маленьких взрослых. Б. Н. Миронов усматривает и другое основание для объяснения слитности в сознании людей средневековья детства и взрослости. Он считает, что игнорирование детства определялось не только тем, что средневековому человеку была чужда идея развития и изменения, но и тем, что в психологическом отношении дети и взрослые в средневековом обществе отличались друг от друга не столь существенно (или, во всяком случае, имели больше общего, чем

взрослые и дети в современных индустриально развитых странах.

«Недостаточно сильное фактическое различие в психологическом отношении взрослых и детей, возможно, и послужило дополнительным основанием для того, что дети с семилетнего возраста... вливались в большую семью взрослых... К XVIII в., когда взрослые стали значительно отличаться от детей в психологическом отношении... дети перестали быть их партнерами, и постепенно — по мере роста этого различия — между миром взрослых и миром детей возникла стена (подчеркнуто мною. — Я. Л.), которая преодолевалась длительным процессом образования и воспитания». Автор предположения о «преодолении стены», конечно, оптимист. Стена существует. И по обе стороны ее возникли разные культуры: культура взрослых, которую они склонны считать единственной, и культура детства, детская субкультура, или, по выражению М. В. Осориной, «секретный мир детей». Мы в дальнейшем специально рассмотрим эту субкультуру в аспекте ее культурно-психологических компонентов.

Собственно говоря, исследования, которые составляют содержание этой книги, весь ее пафос, или сверхзадача, состоят как раз в том, чтобы незримую границу между педагогами и детьми, взрослыми и детьми, во-первых, изучить, а во-вторых (ради этого велись исследования), научиться ее преодолевать. Во всяком случае, не углублять ее из-за недопонимания и неумелости.

Забор этот, граница двух миров никогда не были наглухо заколочены, и между ними всегда осуществлялось многообразное взаимодействие: мир детства всегда во многом определялся «взрослой» культурой, которая ассимилировалась в преобразованном, символизированном виде. Об этом, в частности, свидетельствуют исследования по теории детской игры. Согласно гипотезе Д. Б. Эльконина, творческая игра, которая, по нашему мнению, является важнейшим элементом детской субкультуры вообще и психологической в частности, возникла в ситуации четкой дифференциации двух миров. Когда мир взрослых усложнился до такой степени, что дети уже не могли принимать здесь непосредственное участие, они вошли в него в символической

опосредованной форме игровой деятельности. (К обсуждению вопроса о культурно-психологической составной этой деятельности мы еще вернемся.)

Детство действительно играет двойственную роль в истории развития человека. Чаще всего подчеркивается, что это стартовая площадка, с которой начинается жизненный путь личности. Если на этом этапе ошибиться, неточность расчетов и действий тех, от кого зависят «параметры запуска» — родителей, воспитателей, педагогов, психологов, — «ракета» человеческой судьбы помчится по другой, неожиданной, а порой и нежелательной орбите. Помните, у А. Вознесенского: «Судьба как ракета, летит по параболе. Порою во мраке, но чаще — по радуге».

Итак, все начинается с детства. Оно действительно во многом определяет «взрослую» жизнь человека. Но мы хотим обратить внимание на другую грань детства. На самобытность, самооценку «счастливой невозвратимой поры детства» (Л. Толстой). Ребенок не просто готовится к будущей жизни. Он живет «здесь и сейчас». Итак, мы убеждены, что дети — существа своеобразные, а детство — самостоятельная эпоха человеческой жизни. Но можно ли безоговорочно согласиться с Л. Толстым в том, что это и на самом деле счастливая пора нашей жизни? Это у кого как. И, прежде всего, будет ли ребенок счастлив, зависит от нас, взрослых, педагогов и родителей.

Здесь я готов согласиться с мнением Иммануила Канта: «Многие думают, что детство было самым лучшим и приятным временем их жизни. Но это не так. Это самые тяжелые годы, поскольку тогда человек находится под гнетом дисциплины и редко может иметь настоящего друга, а еще реже — свободу». От нас, взрослых «специалистов по детству», зависит не только будущая судьба человека. Но и его сегодняшняя радость бытия, открытий, общения и творчества. Особенно велико значение детских психологов — генеральных конструкторов детского развития.

Формирование психологической культуры всех участников воспитательного процесса в учреждении образования — главная, а может быть и единственная задача психолога. Формировать, развивать психо-

логическую культуру — это значит научить подрастающего человека и тех, с кем он общается — педагогов и родителей, — познавать самого себя, успешно действовать в двух мирах своего существования: внутриличностном пространстве и пространстве межличностном: взаимоотношений и общения с другими людьми.

Формирование психологической культуры определяет и решение другой важнейшей задачи: сохранение и укрепление психологического здоровья детей, родителей и воспитателей. Оно обеспечивает благоприятный психологический климат во всех подструктурах воспитательного процесса, создает почву для эмоционального благополучия во внутреннем мире детей, воспитателей и родителей.

В заключение этого, может быть, затянувшегося предисловия, в котором хотелось высказать некоторые общие для авторов теоретические положения, несколько слов об авторах и структуре книги. Она создана небольшой «командой» психологов на основе конкретных исследований, выполненных под моим руководством. Эти научные исследования легли в основу их кандидатских диссертаций, которые успешно защищены и утверждены ВАК Беларуси.

В первой части рассматривается теория психологической культуры в аспекте проблем воспитания — глава 1. Далее излагаются социально-психологические проблемы межличностного педагогического взаимодействия — глава 2.

Вторая часть, посвященная избирательности педагогического межличностного взаимодействия, состоит из двух разделов. В первом (глава 3), автор которой Н. М. Плескачева, рассматриваются проблемы избирательности в детском саду, во втором (глава 4) анализируется избирательность межличностных педагогических взаимодействий в начальной школе, автор И. И. Заяц. Самостоятельный раздел книги посвящен психологии оценивания учителем своих учеников в начальной школе — глава 5 — автор ее О. А. Митрохович.

В Приложении «Приглашение к исследованию» описываются методики, которыми читатели смогут воспользоваться в своей практической работе. Желаем успеха!